

ГЕРОИЧЕСКОМУ ВРЕМЕНИ—

За последние годы все более отчетливо вырисовывается огромная роль, которую играл в развитии советской литературы и советского искусства Анатолий Васильевич Луначарский — и как авторитетный теоретик и критик, и как один из главных организаторов художественной жизни страны.

В недавно завершеном восьмитомном собрании его сочинений собрано 400 больших и малых работ по вопросам литературоведения, критики, эстетики. Но за пределами этого собрания остались еще сотни статей, рецензий, предисловий, затертых в журналах, газетах, сборниках. В различных архивах хранятся его неопубликованные статьи, стенограммы докладов, письма. Два тома таких материалов подготавливает к печати редакция «Литературного наследия»,

к не напечатанным до сих пор текстам первого наркома просвещения принадлежит и стенограмма его доклада «Задачи общественной организации драматургов и композиторов и задачи современного искусства» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

В 1924—1925 годах Луначарский активно участвовал в создании Союза революционных драматургов, был избран его председателем.

В докладе, с которым Луначарский выступил на собрании драматургов во второй половине 1925 года, он постоянно привлекал внимание писателей к огромному животрепещущему материалу героической современности, к ее грандиозным социальным конфликтам, к общественному творчеству народных масс. В то же вре-

мя он предостерегал от недооценки вопросов художественной формы. Луначарский выразил уверенность, что уже настает время для создания большого социалистического искусства.

В первой части доклада Луначарский говорил о социальных особенностях драматургии и театра на разных этапах исторического развития. Мы предлагаем вниманию читателей отрывки из той части доклада, где речь идет о задачах советской драматургии.

Стенограмма, сохранившая живые интонации оратора, дошла до нас в неупорядоченном виде. Пускаю ее, мы ограничиваемся минимальными стилистическими исправлениями. Слова, добавленные в местах явных пропусков, поставлены в квадратные скобки.

Н. ТРИФОНОВ.

...АЛЕКСАНДР КУГЕЛЬ в одной из своих блестящих статей еще до революции сказал, что драма современной драмы и трагедия современной трагедии заключается в том, что ни у кого нет устойчивой морали, что наш век — век разложившейся морали. Отсюда: нет морального пафоса, а если этого нет, то не может быть серьезной драмы и не может быть даже серьезной комедии. Это очень верно. Но в том-то и дело, что пролетариат, который сейчас выходит [на авансцену истории], имеет необыкновенно твердые моральные устои, необыкновенно определенный взгляд на вещи, колоссальный творческий пафос, в высшей степени определенные широкие идеалы. Когда-то буржуазия говорила дворян-

ству: «ваша честь разложилась, да здравствует наша честность», но противопоставление трезвой буржуазии с ее тогдашними идеалами разложившемуся дворянству — это фарс по сравнению с противопоставлением мира труда, его мирозерцания, его моральной серьезности, размаха его революционной ненависти, высоты его взмаха творческого, его творческих замыслов — действительно разложившейся буржуазии, которая держится целым рядом привходящих обстоятельств. Уже само по себе это глубочайшее содержание пролетариата представляет колоссальное задание для поэта. Нужно прибавить, что все это представляет величайший из конфликтов. Этот конфликт, имея в своем центре такое массивное, монументаль-

ное явление, как соединение двух ядер человечества — эксплуатируемых и эксплуататоров, создает множество своеобразных, в этом отношении, мелких конфликтов, которые мелки по сравнению с основными, но которые сами по себе глубочайшим образом значительны... Думаю, что никогда в мире драматург не имел такой опоры под ногами, не имел такого материала, не мог иметь такого запала, заряда, какой должен иметь драматург настоящего времени. Можно ждать появления даже великих буржуазных драматургов. Можно ожидать великих плакальщинок. И на этой почве могут появиться весьма крупные произведения. Тем более с нашей стороны могут появиться крупные произведения, ведь мы

находимся в необычайно выгодном положении...

Я не знаю, правильно ли мы оцениваем то, что мы имеем. Это вопрос весьма сложный. Наш класс только в первый раз знакомится с тем, что такое искусство. Может быть, многое нами неправильно расценивается. Как можно говорить о драматургии известной эпохи, когда эта эпоха только наступила. Надо немного подождать, для того чтобы те яйца, на которых мы сидим, ожили. И кто знает, какие золотые петушки оттуда выпрыгнут и каким огромным «кукуреку» они оглушат мир.

...В каком же направлении надо ждать драматургической работы? Конечно, это ясно — в направлении выраженных во всей полноте и глубине тех начал, которые заложены в новых

классах, выступивших теперь на арену социального творчества, и тех сторон грандиозного конфликта, который мы переживаем. Еще недавно страшно было прикоснуться к этим темам, приходилось переносить действия в другие страны и века, потому что слишком еще болело и неизвестно было, не превратится ли акт художественного творчества в залезание руками в чужие отверстые раны. В настоящее время рана зажила, и можно сказать, что весь тот гигантский материал, который у нас накопился с 17-го года до наших дней, лежит как материал уже остывший, как какая-то остывшая, но все еще огнецветная лава, из которой можно делать скульптурные произведения. Она уже тверда, но вместе с тем она еще горяча и может

Г Е Р О И Ч Е С К У Ю Д Р А М У

являться действительным оплотом нашей работы. Это и есть настоящее призвание драматурга. Что может отклонить драматурга от этой деятельности?

Конечно, прямо поставить перед собой [такую] задачу может только тот, кто является сам сыном революции, чьи тенденции совпадают с тенденциями революции. Я бы сказал, крупную драму может создать даже тот, кто идет против революции, который испытывает ее как рок, как кошмар, кто из противоположного лагеря. Если у наших врагов хватит сил, может быть, они выдвинут крупных драматургов. В этом ничего невозможного нет, тем более, что культурного заряда у них не менее, а пожалуй, больше, чем у пролетариата. Вместе с этим несомненно возникнут из лагеря серьезных попут-

чиков драмы примиряющие. Эти примиряющие драмы, если бы возникли, то не нашли бы никакой почвы. Как наши революционные драмы не могли бы идти в другом лагере, так и те драмы из другого лагеря не могли бы найти места у нас. Это прямая стрельба друг по другу. А что касается примирителей, то, вероятно, их из того и из другого лагеря послали бы к Христу... Сейчас конфликт разросся в такие грандиозные формы, он так бесконечно остр, что ни примиритель, ни пессимист, которые стонут по поводу страданий своей разорванной между одинаково любимыми братьями души, не могут оказаться выше общества, они оказываются слюнтяями, оказываются недоросшими до героического времени. Время героическое, и поэтому требова-

ния к трагедии героические. А трагедия скорби недостаточно героична, по крайней мере на той стадии неутомимой героичности, на которой сейчас стоит время. Поэтому в значительной степени такие уклоны являлись бы действительно уклонами от настоящего подлинного драматургического пути нашего времени...

Есть гораздо большая опасность. Эта опасность заключается в известном споре на пьесы просто развлекающие. Вы спросите, да кто же эти пьесы спрашивает теперь, в такое время, когда каждый имеет огромный политический заряд, когда каждый принимает участие в какой-то битве богов, неужели кому-нибудь нужны в это время простые развлечения. Да, нужны. И не только тем прослойкам, которые уже,

поскольку у нас произошло некоторое затишье, стремятся сесть за чайный стол, за ломберный стол, не только этим обывательским прослойкам, которые говорят «после всех этих пулеметов, уплотнений и всяких других скорбей жизненных дайте мне отвести душу, дайте мне оперетту, водевиль. Зачем вы хотите, чтобы у меня был коммунист или белогвардеец? Дайте мне просто чай с сахаром и с лимоном»...

Но нужно прямо сказать. Мы должны различать одно от другого. Одно дело — построение драмы нашего времени, которая послужит самоорганизацией этого времени и его памятником в будущие века, а другое дело — «чай с лимоном»... Говорят таким образом: настоящий зритель ходит в театр не учиться, а отвести душу. Это, конечно, пусть-

ки. Несомненно, что настоящий зритель тот, кто строит жизнь, он умеет отдыхать за книгой или в серьезном театре... Настоящее искусство обладает тем свойством, что оно вовсе не учит, оно дает яркие жизненные впечатления. А рядом с этим проходит то, чем больна душа автора, который является аккумулятором энергии. Театр может дать огромный отдых и в то же время выпускать из своих дверей людей более высокими, более организованными, чем они туда вошли. Этого мы не можем ожидать от театра развлекающего. Мы по крайней мере должны ждать, чтобы, впуская зрителя, театр не выпускал его более разложившимся и пониженным... Мы попадаем между двумя силами. «Направо поедешь — коня потеряешь, налево — сам пропадешь». Дейст-

вительно, если пойдешь налево в смысле такой тенденции: я даю публике высоко социальное содержание, я взял важный факт, я его продумал и сценически воплотил, может быть, я его не очень умело сценически воплотил, потому что я больше кузнец, чем писатель, больше революционер, чем драматург, но вы, господа публика, как хотите, потому что содержание у меня настолько душеспасительное, что вы хотите или не хотите, а глотайте, — микстура, может быть, невкусная, но целебная. Это одна сторона дела, сторона ужасающая, которая не только тем плоха, что не достигается цель, а тем, что достигается противоположное, компрометирующее социальный театр. Все дело в том, чтобы социальный театр манил бы к себе публику...